

Соловьев Владимир Сергеевич

**Магомет, его жизнь и
религиозное учение**

Очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Сергеевич С.**
Магомет, его жизнь и религиозное учение: Очерк / Соловьев Владимир Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 80 с.

ISBN 978-5-519-74671-7

ISBN 978-5-519-74671-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Основатель ислама называется на своемъ родномъ арабскомъ языкѣ *Мухаммедъ*, такъ въ старину называли его и по-русски. Но въ девятнадцатомъ столѣтіи вошло у насъ въ употребленіе взятое съ французскаго *Магометъ*. Въ текстѣ этой книжки введенъ мною *Мухаммедъ*, но на заглавномъ листѣ я долженъ былъ сохранить привычное для публики названіе.

Значеніе Мухаммеда и основанной имъ религіи въ общихъ судьбахъ человѣчества такъ важно, что писатель, занимающійся религіозною философіей и философіей исторіи, не нуждается въ особомъ оправданіи, если онъ, *и не будучи ориенталистомъ*, имѣетъ свое собственное сужденіе о лицѣ и дѣлѣ арабскаго «пророка». Но чтобы обезпечить себя отъ естественныхъ въ такомъ случаѣ частныхъ ошибокъ, я обратился за совѣтами и указаніями къ самому авторитетному изъ нашихъ арабистовъ, который съ первостепенною спеціальною ученостію соединяетъ и живой интересъ къ общимъ вопросамъ. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубочайшую признательность академику барону В. Р. Розену за любезное участіе, которое онъ принялъ въ моемъ маленькомъ трудѣ.

Главнымъ источникомъ для этой книжки былъ Коранъ, которымъ я пользовался въ различныхъ переводахъ, старыхъ и новыхъ. Изъ менѣе извѣстныхъ у насъ переводовъ были мнѣ рекомендованы барономъ Розеномъ: *Rodwell, El-Kor'an*, 2 ed. Lond. 1876 и *Rückert, Der Koran*, herausgegeben von August Müller, 1888. Изъ прочитанныхъ мною сочиненій о Мухаммедѣ и объ арабахъ его времени укажу только главные:

Nicolaus Cusanus, De cribratione alchoran (въ собраніи его сочиненій).

Caussin de Perceval, Histoire des Arabes; 3 т.

Sprenger, Das Leben und die Lehre des Mohammed, 3 т.

Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten.

August Müller, Der Islam im Morgen- und Abendland.

Hubert Grimme, Mohammed.

Robertson Smith, The religion of the Semites.

Для многихъ читателей не лишнимъ будетъ замѣтить, что религіозное ученіе Мухаммеда, сохраненное въ коранѣ и изложенное въ настоящей книжкѣ, такъ же не похоже во многихъ отношеніяхъ на позднѣйшій исламъ, или Мухаммеданство, какъ проповѣди Шакьямуни Будды и уставы его общины не похожи на доктрины и учрежденія свѣрнаго (тибетско-монгольскаго) буддизма или ламаизма. Несомнѣнно однако, что каждая изъ этихъ великихъ религіозныхъ культуръ не есть только механическое накопленіе разнородныхъ элементовъ, а выросла на исторической почвѣ изъ живого зерна, брошеннаго туда гениемъ перваго основателя, съ именемъ котораго не напрасно связано все дальнѣйшее образованіе.

Владиміръ Соловьевъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

ли

Слоновый годъ.

Пятьсотъ семидесятый годъ по Р. Х. былъ одинаково зловѣщимъ для обоихъ владыкъ, въ непримиримой враждѣ между собою раздѣлявшихъ тогдашній историческій міръ. «Самодержедъ Ромеевъ», Юстинъ II, въ Византіи, и «Царь царей», Хозрой Ануширванъ, въ Ктезифонѣ, получили оба въ разной формѣ грозное предостереженіе.

Еще Юстинъ Старый и Юстиніанъ, возобновляя войну съ персами, рѣшили, для отвлеченія непріятельскихъ силъ, воспользо-ваться далекимъ христіанскимъ царствомъ въ Эіопіи или Абиссиніи, съ которымъ и завязали дипломатическія сношенія, отчасти при посредствѣ духовныхъ лицъ. Сношенія эти привели къ тому, что Аксумскій негусъ, котораго предки издавна стремились распространять свою власть на противоположащій аравійскій берегъ Краснаго моря, занялъ своими войсками юго-западный уголъ Аравійскаго полуострова и поставилъ тамъ своего намѣстника, причемъ имѣлось въ виду двинуться впослѣдствіи далѣе, къ сѣверо-восточной Аравіи, гдѣ признавалось верховенство персидскаго царя и находились его передовые отряды. Къ осуществленію этого плана въ большихъ размѣрахъ приступилъ въ упомянутомъ году намѣстникъ Абиссинскій Абраха, собравшій огромное для тѣхъ мѣстъ и временъ ополченіе, со многими боевыми слонами, привезенными изъ Африки и составлявшими для аравитямъ невиданную диковину. Это войско должно было двинуться изъ Іемена чрезъ Хиджазъ въ городъ Ятрибъ и оттуда къ Персидской границѣ. Въ Византіи знали объ этомъ предпріятіи и многого отъ него ожидали. Но по дорогѣ изъ Іемена къ Персіи нельзя было миновать знаменитаго города Мекки, бывшаго нѣкоторымъ федеративнымъ центромъ для большей части аравійскихъ племенъ. Отворить ворота Мекки абиссинскому войску значило подвергнуть всю Аравію той участи, которая постигла ея юго-западные области, значило подчиниться чужой иноплеменной власти. Рѣшиться на это нельзя было безъ боя, но попытки сопротивленія въ открытомъ полѣ не имѣли успѣха: перевѣсъ организованной военной силы былъ на сторонѣ абиссинцевъ, а главное, африканскіе

слоны съ непривычки наводили ужасъ на арабовъ и ихъ коней. Впечатлѣніе было такъ глубоко, что пятьсотъ семидесятый годъ перешелъ въ исторію съ прозваніемъ *слоноваго года*. Владѣвшее Меккой племя корейшитовъ и ихъ союзники заперлись въ городѣ и готовились къ отчаянной защитѣ. Абиссинцы обложили священный городъ, но въ первую же ночь въ ихъ станѣ проявилась страшная и невѣдомая болѣзнь, отъ которой большая часть людей погибла, а остальные въ безпорядкѣ бѣжали въ Іеменъ, но почти всѣ были перебиты по дорогѣ бедуинами. Это положило конецъ не только дальнѣйшимъ предпріятіямъ абиссинцевъ, но и самой ихъ власти въ южной Аравіи и ихъ союзу съ Византіей. Для греческаго императора это было большое огорченіе.

Но хотя персидскій царь и воспользовался неудачей африканскихъ союзниковъ Византіи и, вытѣснивъ ихъ изъ Іемена, водворилъ тамъ на нѣкоторое время свое владычество, — однако и для него 570-й годъ былъ отмѣченъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ ту самую ночь, когда нечеловѣческая рука истребила союзниковъ его врага, самъ онъ, по преданію, былъ пораженъ зловѣщимъ чудомъ: всѣ священные сосуды въ его дворцовомъ храмѣ были опрокинуты и разбиты, и неугасимый огонь — символъ верховнаго божества иранцевъ — внезапно потухъ.

Если греческій императоръ былъ огорченъ и смущенъ чудесной гибелью своихъ союзниковъ, если персидскій царь былъ пораженъ и испуганъ чудеснымъ паденіемъ своихъ боговъ, ни тому, ни другому властителю не было однако понятно все зловѣщее значеніе для нихъ этой ночи, ибо они не могли знать, что въ эту самую ночь, въ домѣ бѣднѣйшаго изъ жителей Мекки, Абдаллы сына Абд-эль-Мутгалибова, родился мальчикъ, которому было суждено создать новую духовно-политическую силу, предназначенную объединить народы Востока и покончить тысячелѣтнюю распрю греческаго и персидскаго царствъ — разрушеніемъ обоихъ *).

*) Происшествіе во дворцѣ персидскаго царя въ ночь, когда родился Мухаммедъ, есть позднѣйшая легенда, которою я пользуюсь лишь какъ живописнымъ символомъ, хотя быть можетъ она и имѣетъ какое-нибудь реальное основаніе. Гибель христіанскаго войска подъ Меккою въ годъ рожденія пророка (или около того) есть несомнѣнный фактъ. Но что эти два событія произошли въ одну и ту же ночь — это конечно болѣе эффектно, нежели достоверно, особенно если принять во вниманіе, что число и даже мѣсяцъ рожденія Мухаммеда съ точностью неизвѣстны: по однимъ свидѣтельствамъ онъ родился въ день, соответствующій нашему 20 апрѣля, по другимъ — 27 августа.

ГЛАВА I.

Историческая рамка.

По дорогѣ торговыхъ каравановъ, отправлявшихся изъ Йемена и Эѳіопіи въ Палестину и Месопотамію черезъ Хиджазъ (между средне-аравійскимъ плоскогорьемъ Недждъ и Краснымъ моремъ), издавна главными станціями были Макораба (Мекка) и Ятриппа (Ятрибъ, впоследствии Медина). Первый изъ этихъ городовъ былъ торговымъ и религіознымъ центромъ аравійскихъ племенъ, а второй имѣлъ значеніе международной или, лучше сказать, между-религіозной связи Аравіи съ внѣ-аравійской исторической стихіей, такъ какъ въ немъ, кромѣ двухъ арабскихъ племенъ Аусъ и Хазраджъ, обитало много евреевъ, которые, подобно туземцамъ, составляли цѣлыя племена, или кланы (Бену-Кейнока, Бену-Надиръ, Бену-Корейза), и занимали особыя части города. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Ятрибомъ (Мединой) находилась чисто-іудейская колонія Хейбаръ, а нѣсколько подалѣе къ сѣверу—Тейма. Отсюда Синай и Іерусалимъ были ближе, чѣмъ Петербургъ отъ Москвы. Такимъ образомъ мѣсто происхожденія новой религіи примыкаетъ къ священнымъ мѣстамъ іудейства и христіанства. Кромѣ этой географической связи аравійской религіи съ еврейско-христіанскимъ откровеніемъ, есть между ними родство племени, языка и преданій. Аравія издревле населена двумя семитическими племенами, которыя Библія называетъ сынами Іоктана (Бытія X, 25—30.) и сынами Измаила (Бытія XXV, 12—16). Оба племени говорили на одномъ и томъ же языкѣ, весьма близкомъ къ еврейскому. Сѣверные аравитяне задолго до Мухаммеда не только назывались измаильтянами у еврейскихъ и у христіанскихъ писателей, но и сами они усвоили библейское сказаніе объ Авраамѣ, Агари и Измаилѣ и обогатили его мѣстными подробностями болѣе или менѣе древняго происхожденія. Источникъ Земземъ въ Меккѣ былъ тотъ самый, изъ котораго явившійся по молитвѣ Агари *) ангелъ Господень (по мусульманской версіи архангелъ Гавріилъ) напоилъ умиравшаго отъ жажды Измаила; небольшой четырехугольный храмъ или алтарь (Кааба), находившійся около этого источника, былъ, по преданію, построенъ са-

*) Любопытно, что еврейское *Хагаръ* (Агарь) этимологически тождественно съ арабскимъ *Хиджра* (переселеніе, эмиграція), каковымъ словомъ обозначается начало мусульманства. Своимъ удаленіемъ изъ Авраамова города Мекки Мухаммедъ какъ бы повторилъ выселеніе своего праотца Измаила изъ дома Авраамова.

мимъ Авраамомъ, пришедшимъ посѣтить своего изгнаннаго сына; черный камень-метеоритъ, вдѣланный въ одну изъ стѣнъ Каабы, былъ тогда же принесенъ съ неба архангеломъ Гавріиломъ; тутъ же вблизи былъ обломокъ скалы, на которую становился Авраамъ съ Измаиломъ для молитвы — мѣсто Авраамово (Макамъ-Ибрагимъ). Тотъ фактъ, что всѣ эти преданія относились не къ полуеврейскому Ятрибу и не къ южной Аравіи, гдѣ еврейскій элементъ приобрѣлъ одно время даже господствующее положеніе, а къ Меккѣ, гдѣ евреи никогда не жили, рѣшительно противорѣчитъ, на нашъ взглядъ, предположенію многихъ новѣйшихъ ученыхъ, будто евреи произвольно навязали арабамъ библейское сказаніе объ Измаилѣ, не имѣвшее будто-бы первоначально никакого отношенія къ арабамъ. Еще менѣе вѣроятно, чтобы все это было просто выдуманно Мухаммедомъ. Теорія Дози, по которой сама Мекка была первоначально еврейскимъ поселеніемъ, не нашла признанія въ наукѣ.

Аравійскій полуостровъ до Мухаммеда представлялъ весьма пеструю картину: остатки высокой древней культуры на югѣ, зачатки новой цивилизаціи въ силу внѣшнихъ вліяній на сѣверѣ и полудикая, наполовину кочевая жизнь въ срединѣ. — Въ южной Аравіи, или Іеменѣ*), расположенномъ между Индіей и Эіопіей, за много вѣковъ до Р. Х. существовали образованные государства, о которыхъ свидѣлствуютъ огромныя развалины великолѣпныхъ храмовъ, дворцовъ и разныхъ культурныхъ сооружений — мостовъ, водоемовъ, плотинъ, а также столбы съ надписями объ историческихъ событіяхъ, на арабскомъ языкѣ, но особыми письменами, которыя недавно удалось разобрать ученымъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ надписей, относящіяся къ главному изъ южно-аравійскихъ царствъ — Савскому, или Сабейскому, о которомъ говорится въ Библии, даютъ твердое хронологическое указаніе благодаря сопоставленію ихъ съ клинообразными надписями Ассиріи. А именно, и тамъ, и здѣсь встрѣчается одно и то же лицо сабейскаго царя или князя Итамара, или Ятаамара. Найденная въ Ниневіи клинообразная надпись царя ассирійскаго Саргона, относя-

*) Іеменъ (тоже что еврейское Яминъ) значитъ собственно *правый*. Такъ какъ страны свѣта опредѣлялись семитами по отношенію къ сторонѣ солнечнаго восхода, то по правую руку находился югъ, и іеменъ значило *южный*. Но правая сторона у большинства народовъ считается счастливою, поэтому Іеменъ значитъ также *счастливый, благословенный*. Отсюда, по недоразумѣнію, южная часть Аравійскаго полуострова названа римлянами *Счастливою Аравіей* (Arabia felix). На такомъ же недоразумѣніи основано вѣроятно и Гомеровское представленіе о «блаженныхъ эіопахъ».

паяся къ 715 году до Р. Х., извѣщаетъ, что этотъ царь получилъ отъ Итамара Савейца дань: золото, травы восточной земли, рабовъ, коней и верблюдовъ; а многія изъ южно-аравійскихъ надписей говорятъ объ Ятаамарѣ, князѣ Савейскомъ. ✕

Паденіе этихъ южно-аравійскихъ царствъ, имѣвшее, какъ мы увидимъ, вліяніе на возникновеніе новой религіи, произошло во II вѣкѣ по Р. Х. и обусловлено было извнѣ двумя главными причинами. Во-первыхъ, послѣ основанія Александріи, особенно же съ возвышеніемъ Рима, великій торговый путь изъ Индіи въ Средиземно-морскія страны пересталъ проходить черезъ Іемень (сухимъ путемъ), а отклонился къ западу (Краснымъ моремъ), такъ что царство Савское со своимъ главнымъ городомъ Ма'рибомъ, процвѣтавшее прежде, какъ центральный этапъ этого великаго пути, осталось отъ него въ сторонѣ и пришло въ упадокъ. Доканало его другое бѣдствіе случайнаго характера, но съ которымъ ослабѣвшее царство уже не могло справиться. Огромная каменная плотина около Ма'риба, остатки которой сохраняются и теперь, рушилась отъ землетрясенія. Между тѣмъ это древнее сооруженіе было послѣ международной торговли вторымъ главнымъ условіемъ благосостоянія Савскаго царства: плотина задерживала накопившіяся въ горахъ воды и позволяла распредѣлять ихъ сообразно нуждамъ земледѣлія. Такимъ образомъ, это разрушеніе плотины, навсегда запечатлѣвшееся въ національной памяти арабовъ, не только уничтожило наводненіемъ главный городъ Савскаго царства, но и у сельскаго населенія отняло средства къ существованію; страна, уже обѣдѣвшая вслѣдствіе упадка торговли, стала теперь жертвою стихійныхъ силъ и лишилась возможности прокармливать свое густое въ то время населеніе. Многія племена арабовъ-Іоктанидовъ двинулись на сѣверъ, въ область Измаилитовъ; одно изъ нихъ — племя Хозаа овладѣло Меккой и отняло у господствовавшихъ тамъ прежде корейшитовъ завѣдываніе Каабой. Оставшееся населеніе Іемена вошло въ составъ новаго государства Химьяръ (Гомериты), которое просуществовало нѣсколько вѣковъ, но въ богатствѣ и могуществѣ никогда не могло сравниться съ древнимъ Савскимъ царствомъ. Князья и часть населенія этого Химьярскаго государства исповѣдывали одно время еврейскую вѣру, какъ было у нашихъ хозаровъ.

Пока на югѣ разрушались остатки древней аравійской культуры, на сѣверныхъ окраинахъ полуострова, подъ вліяніемъ персидской и греко-римской цивилизаціи, кочевые арабы переходили болѣе или менѣе къ осѣлости и даже къ государственности. На сѣверо-востокѣ, въ низовьяхъ Евфрата, образовалось съ столицей Хира

и династіей Лахмидовъ арабское государство, ставшее въ вассальныя отношенія къ ново-персидскому царству Сассанидовъ; а на сѣверо-западѣ, близъ предѣловъ Палестины, династія Гассанидовъ управляла окрестными арабами въ зависимости отъ сирійскаго намѣстника ромейскаго императора. Здѣсь такимъ образомъ вліяніе обѣихъ великихъ державъ Востока уравнивалось; въ южной Аравіи онѣ вступили въ борьбу за преобладаніе, которая имѣла перемѣнный успѣхъ и была упразднена лишь появленіемъ Ислама. Мы видѣли (см. вступленіе), какую роль въ этой борьбѣ имѣла Абиссинія, и какъ ея войско, предназначенное противъ персовъ, внезапно погибло передъ Меккой.

Тяготившіеся абиссинскимъ игомъ Химьярскіе князья въ Іеменѣ, ободренные неудачей своихъ завоевателей подъ Меккой, рѣшили возстать и послали одного изъ своихъ къ персидскому царю Хозрою Ануширвану просить о помощи противъ абиссинцевъ-христіанъ, союзниковъ Византіи. Царь послалъ въ Іеменъ войско подъ начальствомъ полководца Вахриза, который двукратно разбилъ абиссинцевъ, изгналъ ихъ изъ Аравіи и утвердился самъ въ городѣ Санѣ, какъ намѣстникъ великаго царя надъ туземными князьями.

Но дни персидскаго, такъ же какъ и византійскаго владычества въ Аравіи были уже сочтены. Въ Меккѣ родился человѣкъ, чрезъ котораго исполнились древнія обѣтованія Божіи объ Измаилѣ, предъ нѣмъ: и рече ей (Агари) ангелъ Господень: «умножая умножу сѣмя твое и не сочтется отъ множества: се ты во чревѣ имашь и родиши сына и наречеши имя ему Ісмаилъ (*Исма-эль* значитъ «услышалъ Богъ»): яко услыша Господь смиреніе твое. Сей будетъ селный человѣкъ, и *руцѣ его на вѣтъ и руки вѣтъ на него, и предъ лицемъ всея братіи своея вселится*». (Бытія XVI, 10—12). «О Ісмаилъ же се послушахъ тебе: и се благословихъ его, и возраду его, и умножу его зѣло: дванадцать языки родить и дамъ его въ языкъ велій» (Бытія XVII, 20; см. также XXI, 13, 18).

Родители Мухаммеда принадлежали къ измаилитскому племени корейшитовъ, господствовавшихъ въ Меккѣ еще до Рождества Христова. Во II вѣкѣ по Р. Х., вслѣдствіе упомянутой катастрофы въ Іеменѣ, принудившей жителей этой страны къ выселенію, племя Бену-Хозаа, придя съ юга, овладѣло окрестностями Мекки, а потомъ и самою Меккой, отнявъ у корейшитовъ завѣдываніе храмомъ. Это племя хозайтовъ, какъ и прочія южно-аравійскія племена, было гораздо болѣе склонно къ фетишизму и натуралистическому многобожію, нежели сѣверяне-измаилиты, и водвореніе зайтовъ въ Меккѣ безъ сомнѣнія усилило здѣсь идолопоклонство.

пособствовало косвеннымъ образомъ той монотеистической реакціи, которой побѣдоноснымъ представителемъ въ послѣдствіи сдѣлался Мухаммедъ.

Мекка издавна была, по выраженію Вельгаузена, «перекрестнымъ пунктомъ въ вихрѣ внутреннихъ народныхъ переселеній арабовъ. Многія народныя наслоенія легли на этой почвѣ и оставили ои слѣды въ различныхъ святилищахъ и связанныхъ съ ними лѣсныхъ именахъ».

Городъ обязанъ былъ своимъ возникновеніемъ, говорить тотъ же ученый, безъ сомнѣнія своему святилищу, которое въ свою очередь основалось на этомъ мѣстѣ, вѣроятно благодаря источнику емземъ.—Хотя мусульманское преданіе преувеличиваетъ *исключительное* значеніе Каабы, но во всякомъ случаѣ почитаніе этой древней святыни было широко распространено, и о ея значеніи свидѣлствуютъ уже обширные размѣры священной ограды (*халмъ*). Мекка и ея окрестности были мѣстомъ паломничества въ великій годовой праздникъ (хаджъ) въ священные мѣсяцы перемирія для аравійскихъ племенъ. Съ религіознымъ движеніемъ толпы соединялись, какъ всегда бываетъ, соціальныя и торговыя сношенія. Къ хаджу приурочивались ярмарки въ ближнихъ къ Меккѣ мѣстечкахъ (Указъ, Мина и др.), но главное значеніе оставалось за Меккой какъ самымъ большимъ городомъ во всемъ полуостровѣ. Раньше Ислама меккійскій календаръ уже былъ принятъ въ большей части Аравіи.

Понятно, что корейшиты не мирились съ потерей своего преобладанія въ Меккѣ, и святилище мира сдѣлалось яблокомъ раздора для двухъ племенъ. Наконецъ въ V вѣкѣ, по преданію, одинъ изъ предковъ Мухаммеда сумѣлъ вернуть своему роду хозяйскія права надъ Каабой тѣмъ же способомъ, какимъ его древній родичъ израиль приобрѣлъ права первородства отъ своего простодушнаго рата.

Лѣтъ за полтора ста до Мухаммеда между племенами, переселившимися изъ Іемена въ сѣверную Аравію, было небольшое племя Озра, поселившееся недалеко отъ Ятриба (Медины). «Какъ-то спрашивали одного бедуина: какого ты племени?» — «Я — изъ тѣхъ людей, отвѣчалъ онъ, которые умираютъ, когда любятъ». Слышавшая это женщина воскликнула: «онъ Озритъ, клянусь Богомъ!» — Ибо Бену-Озра, замѣчаетъ арабскій историкъ, славятся по всей Аравіи своею замѣрною страстностью въ любви». Изъ этого племени одна дѣвушка Фатима вышла замужъ за корейшита Килаба и родила въ Меккѣ двухъ сыновей. Вскорѣ овдовѣвши, она вернулась съ млад-

шимъ сыномъ къ своему племени въ Ятрибъ, вышла тамъ вторично замужъ за соплеменника и родила ему сына Ризаха, который и воспитывался вмѣстѣ съ братомъ своимъ. Этотъ послѣдній, какъ приведенный изъ другого племени, получилъ между озритами прозвание Косай, что значитъ выходецъ; съ этимъ названіемъ онъ и остался въ исторіи.

Нѣкоторые новѣйшіе историки (между прочимъ и Авг. Мюллеръ) не считаютъ Косая историческимъ лицомъ, не приводя однако убѣдительныхъ основаній для своего скептическаго взгляда, съ которымъ я позволю себѣ не согласиться. Дѣда Мухаммедова Мутталиба тѣ же ученые не признаютъ миѳомъ, а вѣдь этотъ историческій дѣдъ только двумя поколѣніями былъ отдѣленъ отъ предполагаемаго миѳологическаго Косая. Хотя нѣтъ закона, опредѣляющаго, на какой степени восходящаго родства наши дѣйствительные предки превращаются въ миѳы, однако можно принять за общее правило, что увѣковѣченный въ народной памяти *прадѣдъ* историческаго лица не можетъ считаться чистымъ миѳомъ.

Достигши зрѣлаго возраста, Косай вернулся въ домъ отца своего въ Мекку, но и оттуда поддерживалъ добрыя сношенія съ племенемъ матери и вочима. Въ Меккѣ въ то время старѣйшимъ вождемъ хозайтовъ, владѣвшихъ Каабой, былъ Холейль, у котораго въ рукахъ находились и ключи отъ святилища. Косай съ нимъ сошелся и женился на его дочери. Онъ надѣялся, что тестъ усыновитъ его и передастъ ему ключи Каабы, но тотъ, хотя при жизни позволялъ ему иногда замѣщать себя въ священной должности, однако опасался обидѣть соплеменниковъ, и, умирая, передалъ ключи старѣйшему изъ Бену-Хозаа, — Абу-Губшану. Но Косай не отказался отъ своего намѣренія и рѣшился для исполненія его воспользоваться слабостью соперника. Однажды онъ напоилъ Абу-Губшана пьянымъ, и когда тотъ въ полусознательномъ состояніи сталъ требовать еще пить, Косай предложилъ ему мѣхъ съ виномъ въ обмѣнъ за ключи отъ Каабы, на что тотъ охотно согласился. Съ тѣхъ поръ и до сего дня всякая сдѣлка, въ которой кто-нибудь сильно одураченъ, называется у арабовъ торгомъ Абу-Губшана, а чтобы выразить крайнюю степень слабоумія говорятъ: «онъ глупѣе, чѣмъ Абу-Губшанъ».

Однако хозайты не хотѣли быть жертвой этой образцовой глупости своего соплеменника и подняли оружіе въ защиту своихъ правъ. Чтобы обезпечить себѣ побѣду, Косай обратился въ Ятрибъ къ сводному брату своему Ризаху, который привелъ ему на помощь всѣхъ Бену-Озра. Соединившись съ ними, корейшиты одѣ-